

Л.П. МОРИНА

*Доктор философских наук,
профессор Кафедры культурологии, философии культуры и эстетики
Института Философии
Санкт-Петербургский государственный университет*

**ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ: ДИСКУРСИВНЫЙ ПРОЕКТ
СЕМИОЛОГИИ**

Статья анализирует методологический потенциал семиотического дискурса в контексте вызовов современной культуры, связанных с трансформацией ее базовых параметров, таких как субъектность, познание, идентичность, коммуникация и др. Выделяются основные этапы в развитии современной семиотики, определяется ее значимость для описания феноменов постсовременности. Основной вопрос, который ставится в данной статье, - определить, каким образом семиотический подход может быть вписан в контекст формирующейся постнесклассической рациональности. Автор приходит к выводу о возможности и целесообразности формирования актуальной семиотической дисциплины, образованной на стыке семиотики и дискурсивного анализа, которую предлагает назвать *дискурсивной семиологией*.

Ключевые слова: семиотика, дискурс, контекстуальность, дискурсивная семиология, современная культура

L.P. MORINA

*Doctor of Philosophical Science,
Professor departments of Cultural science, Philosophy of culture and esthetics,
Institute of Philosophy
St. Petersburg State University*

**LOOKING TO THE FUTURE: A DISCURSIVE PROJECT OF
SEMIOLOGY**

The article analyzes the methodological potential of semiotic discourse in the context of the challenges of modern culture associated with the transformation of its basic parameters, such as subjectivity, software / knowledge, identity, communication, etc. The main stages in the development of modern semiotics are highlighted, and its significance for describing the phe-

nomena of postmodernity is determined. The main question raised in this article is to determine how the semiotic approach can be fit into the context of the emerging post - classical rationality. The author comes to the conclusion about the possibility and expediency of forming an actual semiotic discipline formed at the junction of semiotics and discursive analysis, which she suggests to call *discursive semiology*.

Keywords: semiotics, discourse, contextuality, discursive semiology, modern culture

В начале нынешнего века семиотика пережила кризис. Поскольку структурализм и семиотика мыслились как синонимические понятия, вслед за структурализмом ее обвиняли во всех негативных событиях, едва ли не в людоедстве. В начале XXI в. на семиотику смотрели либо как отпочковавшийся продукт умершего структурализма, либо вспоминали о ней в связи с «иконическим поворотом». Бум семиотики завершился, и новых текстов не выходило, по крайней мере, с соответствующей терминологической привязкой.

Однако семиотика смогла существовать вне структурализма и более того, оказалось, что ее предметное поле вне конкуренции. Пансемиотизм среды обитания человека как смыслового универсума не устраним никакими репрессивными мерами. Все уровни/слои культуры пронизаны сложной сетью кодов, социолектов, лексикодов, начиная от мира повседневности до политики и искусства. Даже такие сферы, как обучение и призвание осмыслены Ж.Делезом («Пруст и знаки») как семиотические феномены: научиться - это рассмотреть предмет как если бы он испускал знаки для дешифровки и интерпретации. Призвание – предназначение по отношению к некоторым знакам [1; С. 29-30].

Не говоря уже о текстах, имеющих по определению двойственную природу, таких как религиозный культ или искусство. Ю.М.Лотман утверждает, что тексты культуры - это дважды закодированные сообщения, выделяя особо природу художественного текста, скрывающего свою многоструктурность одноструктурностью внешней оболочки [2; С. 129-132].

Постмодерн сущностно задан особого рода феноменами. Если архаика говорила о кажимостях (маяя) как о проблемном и преодолеваемом видении и состоянии ума, стремящегося к подлинному/истинному, то в постмодерне кажимость становится новой культурной нормой. Симулятивные стратегии современной культуры реализуют такой тип семиозиса, понять который можно только применив специальный инструментарий семиотики, ибо симулякр – это, прежде всего знак, в котором отсутствует значимый структурный элемент – означаемое. Несмотря на свою неполноценность, симулякры – активные агенты, и мы настолько привыкли к их вездесущности, что не замечаем в них ничего странного.

Да и виртуальная реальность во всем разнообразии своих проявлений предстает парадоксальным семиотическим образованием. Наблюдать в ней за

превращениями идентичностей, размножением клонов и цифровых двойников, анализировать бесконечные цепи отсылок/цитирований и прочие приемы интертекстуальности можно только через призму семиотического дискурса.

Разумеется, к анализу специфики современной культуры могут быть успешно применены и другие научные методы и подходы. Но, учитывая складывающуюся онтику современной реальности, думается, что наиболее адекватным инструментарием обладает все же семиотика; особенно, если произвести ее настройку в соответствии со спецификой культурной ситуации, т.е. произвести некоторую корректировку.

Трансформация семиотики: основные этапы

Семиотика имеет значительный методологический потенциал, который раскрывается в связи с новыми формообразованиями актуальной культуры.

Структуралистская семиотика исходила из принципа устойчивой структуры знака и знаковых систем. Леви-Стросс не допускал мысль, что слова могли постепенно значить. Язык в его структурном единстве, как он полагал, должен был возникнуть сразу. Вопрос, — *откуда* остался без ответа. Переориентация семиотики происходит с появлением постструктурализма, который акцентирует несистемные и неструктурированные явления и подчеркивает значимость контекстуальности и ситуативности значения.

Предпосылка трансформации семиотики заложена была Г.Фреге. В его работе «Смысл и значение» была высказана идея «перспективистской метафоры», суть которой состоит в том, что смысл возникает не только из обозначения предмета, но включает в себя некую перспективу восприятия (способ данности предмета). Поэтому: 1. одно выражение может иметь один смысл, но разные значения (предмет)¹; 2. выражение может иметь одно значение (предмет), но совершенно разные смыслы, как, к примеру, «утренняя Звезда» и «вечерняя Звезда», относящиеся к одной и той же звезде Венере. 3. Смысл могут иметь знаки, не имеющие значения, т.е. не имеющие референцию. Такова, например, художественная литература, мифы, сказки. Трехчастная модель Фреге оказалась крайне продуктивной для последующего развития проблематики смысла.

Один предмет в культуре может быть носителем разных смыслов, как, например, чаша, которая может быть как сакральным предметом, так и повседневным элементом утвари, она может быть орудием убийства (отравле-

¹ Сегодня мы синонимизируем значение и смысл. Для Фреге «значение» это «предмет».

ния) или средством утоления жажды. А может иметь философский смысл и соотноситься с категорией вещиности, как это осмыслил М.Хайдеггер.

Выготский Л.С. показал, что смысл слова представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием. Реальное значение слова неконстантно. В одной операции слово выступает с одним значением, в другой оно приобретает другое значение. Слово, взятое в отдельности в лексиконе, имеет только одно значение. Но это значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла.

Контекстуальность смысла и его фундаментальную незавершенность Выготский проясняет на следующих примерах (со ссылкой на Полана). Слово приобретает свой смысл только во фразе, но сама фраза приобретает смысл только в контексте абзаца, абзац — в контексте книги, книга — в тексте всего творчества автора. Действительный смысл каждого слова определяется, в конечном счете, всем богатством существующих в сознании моментов, относящихся к тому, что выражено данным словом. «Смысл слова никогда не является полным. В конечном счете, он упирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом» [3; С. 306].

Первый момент: от языка к речевому акту

Не погружаясь в детали и подробности, ограничимся лишь обозначением поворотных вех в развитии языковых концепций. Идея различать язык и речь принадлежит, как известно, Ф. де Соссюру (1857-1913). В его понимании речь, как динамичное и вариативное, противопоставляется языку как статичному и инвариантному системному образованию. Этот момент содержит в себе предпосылки концептуальных трансформаций, которые проявят себя позднее.

В XX в. ряд ученых обращаются от исследования языка к речи и речевому акту. Так, Р.Якобсон (1896-1982), один из основоположников структурализма в языкознании, акцентирует внимание на акте высказывания, на том, как проявляется субъект, когда он говорит.

Э.Бенвенист (1902-1976), французский лингвист, в 50-е гг. вводит термин «акт высказывания», или «высказывание», и создает теорию высказывания, в которой центральное место занимает не язык, а субъект в языке. Важным моментом в ней является акцентирование пространственно-временных координат говорящего, речь больше не мыслится абстрактно, но связана с присутствием здесь и теперь.

Дж.Остин (1911-1960), британский философ языка, исследователь действенной стороны обыденного языка и автор концепции перформативного

речевого акта утверждает, что специфика последнего, относительно обычного утверждения, состоит в том, что, «произнося перформативное высказывание, мы всегда осуществляем некоторый акт, ... выполняем некоторое действие, которое, видимо, едва ли смогли бы выполнить каким-то другим способом» [4; С. 23]. Соответственно, структура речевого акта, по Остину, следующая: 1. Локутивный акт – это собственно произнесение, высказывание 2. Иллокутивный акт – это акт или действие, выполненное посредством высказывания, например, содержит вопрос, просьбу, критику и т.д., иначе говоря, это прагматика. 3. Перлокутивный акт – результат высказывания.

Дж. Сёрл фиксирует речевую ситуацию, которая включает в себя говорящего, слушающего и высказывание говорящего, в качестве базовой структуры изучения языкового общения. Развивая идеи Остина, он утверждает, что *основной единицей* общения является не слово или предложение, а «производство», или «создание» высказывания. «Точнее говоря, производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения» [4; С. 57].

Так постепенно переносятся акценты с языка на ситуацию общения и речевые акты, в которых формируется корпус смысла. Коль скоро константность больше не сопутствует коммуникативным формам, то возникает необходимость осмысления и описания способов продуцирования смысла в контексте речевой ситуации. Соответственно, по-новому ставится и вопрос «кто говорит?», т.е. следствием данного сдвига является также и пересмотр категорий субъекта и субъектности.

Второй момент: отказ от субъекта

В современной постструктуралистской науке, пережившей несколько утрат, очередная – смерть субъекта – была вполне логичным следствием релятивизации речевого высказывания. Коль скоро смысл высказывания формируется контекстуально и не имеет опоры в субъекте высказывания, то статус говорящего в качестве источника сообщения становится неопределенным. Десакрализация и смерть автора порождают письмо как обезличенную деятельность самого языка, а автор, соответственно превращается в скриптора. В интервью 1966 г. Фуко утверждает, что поиски новой рациональности – это попытка «...поставить такие теоретические проблемы и нащупать такие формы анализа, которые, будучи рациональными, не апеллировали бы при этом к идее субъекта» и указывает на историческую роль Леви-Стросса, давшего «своего рода рациональную точку опоры для ...постановки под вопрос теории субъекта». На место субъекта ставится «...анонимная мысль, знание без субъекта, теоретическое без идентифицируемой субъектности» [5; С. 356].

Субъект приобретает свое лицо лишь в качестве говорящего, в актуальном пространстве речевого бытия. Речь осмысливается как способ формирования субъектности. *Что мы говорим, тем мы и являемся.*

Бруно Латур производит пересмотр социального действия по аналогии в «письмом», лишая действие субъектной привязки. Если в прежней антропологии под действием понимается осуществление активности субъекта (актора), обладающего набором способностей, направленное на объект, то Латур предлагает рассматривать действие как некое событие, или «силовое поле», в которое поочередно (или одновременно) включаются участники процесса. Термин «актор» (что в данном контексте соответствует «субъекту») предлагается заменить на «актанта», «поскольку не существует никакого носителя силы. Существуют только трансляции, операции перевода». Что же в таком случае есть, и *кто* действует? «Есть только акторы — актанты, — каждый из них может только «включаться в действие» посредством ассоциации с другими, удивляющими или превосходящими его/ее/это». [6, С. 189-190]. При этом актантами выступают не обязательно люди, ими могут быть и вещи, поскольку нет носителя действия как такового, а есть перемещение (или трансляция, или транскрипция).

Третий момент: дискурсивно формируемые значения

В 1970–80-е гг. постструктурализм переключает фокус внимания со структуры на контекстуальность. К постструктурализму пришли и представители структурализма — поздний Р.Барт и Ж.Деррида. А с книги Ж.Бодрийяра «К критике политической экономии знака» (1972) начался постепенный переход от «вещей как вещей к вещам как знакам».

На стыке лингвистики и дискурсивных исследований к началу XXI в. сформировалось направление дискурсивного анализа, которое сфокусировалось на речевых/дискурсивных феноменах и практиках. В качестве его базовых принципов были положены «антиэссенциализм» и «конструкционизм», которые (в предельно сжатом выражении) сводятся к утверждению, что субъект (его социальное бытие, способ мышления и идентичность) не является данностью, но обладает характеристиками, принципиально конструируемыми в системе дискурсивных практик (Дж.Поттер, М.Уетерелл и др.).

Справедливо говоря, эта идея была сформулирована несколько иначе уже Фуко. Он утверждал, что дискурсы наделяют говорящего позицией субъектности: субъекты и отношения создаются в дискурсе, а не существуют от природы.

Что касается принципа *антиэссенциализма*, ярким примером является так называемая *игровая идентичность*, которая выражается в таких формулировках, как «занимать позиции идентичности» или «потреблять идентич-

ность», что, фактически, отождествляет субъект с репертуаром дискурсивно-ситуационных ролей/позиций.

Майкл Биллиг в рамках новой дисциплины дискурсивной психологии и в продолжение и развитие темы речевого акта, исследует психологические механизмы формирования значений. Он также утверждает, что последние формируются в дискурсивной среде, поскольку любое наше высказывание встроено в социальный контекст и коммуникативную ситуацию. Но Биллиг идет дальше и распространяет принцип дискурсивного конструкционизма, в том числе, и на сферу психики. Он обосновывает фундаментальную конструируемость психологических характеристик субъекта, таких как идентичность, способы мышления, поведения, включая сферы подсознания. Если мысль о том, что способы понимания и категоризации мира не универсальны, а исторически и социально специфичны, была высказана уже представителями школы культурной антропологии (Сепир и Уорф), то включение подсознания в сферу дискурсивных феноменов является по-настоящему революционным пересмотром основ психоанализа [7,8].

Выводы: дискурсивная семиология

Если выразить суть культурфилософской эволюции (в аспекте языка и коммуникации), то она сводится к трансформации онтологии и состоит в следующих изменениях:

- последовательном перемещении акцента от языка к речевому высказыванию;
- возрастании роли контекстуальных исследований;
- переходу от презумпции автономной значимости субъекта (в классической философии) к утверждению активности объекта;
- переходу от эссенциализма (классической идентичности) – к антиэссенциализму и дискурсивному конструкционизму.

В сложившейся философской парадигме классическая семиотика должна самоопределиться и «найти себя» в радикально новой - по сравнению с классической - рациональности. Предстоит ответить на ряд вопросов:

во-первых, каким образом сообщение как единица коммуникации, может существовать без отправителя;

во-вторых, как знак может иметь подвижную/вариативную и контекстуально заданную семантику;

в-третьих, каким образом онтологически может существовать неполный структурно знак (без означаемого)?

Семиотика не исчерпала своего методологического потенциала. Расширение проблемного поля, исследование аспектов дискурсивно-контекстуального семиозиса позволит перенести акцент со структуры сообщения на способ его бытия в контекстуальном пространстве. А это, в свою очередь, придаст семио-

тике динамичный характер и обеспечит доступ к описанию подвижной семантики, заданной параметрами дискурсивной контекстуальности. Таким образом, в формате актуализированной версии новая семиотика откроет для себя новые эвристические горизонты.

Можно предположить с большой долей вероятности, что на стыке семиотики и дискурсивного анализа происходит рождение новой дисциплины, которую предлагается назвать *дискурсивной семиологией*. Разумеется, данный тезис требует дополнительной аргументации и исследования, что – как предполагается – и будет сделано в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жиль Делез. Марсель Пруст и знаки. Перев. с франц. Е. Г. Соколов. СПб: "Алетейя". 1999. 189 с.
2. Ю. М. Лотман. Семиотика культуры и понятие текста / Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. - Tallinn, 1992. с. 129-132
3. Л.С. Выготский. Мышление и речь. Психологические исследования. Под редакцией и со вступительной статьей В.Колбановского. М-Л. 1934. 326 с. С. 260 – 318
4. Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл. М: Едиториал УРСС. 2010. 208 с.
5. Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.— М., Касталь, 1996.— 448 с.
6. Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 392 с.
7. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: «Гуманитарный Центр». 2008. 352 с.
8. Michael Billig. Freudian Repression. Conversation Creating the Unconscious. Cambridge University Press. 2004. 300 p.

TRANSLIT:

1. Zhil' Delez. Marsel' Prust i znaki. Perev. s franc. E. G. Sokolov. SPb: "Aletejya". 1999. 189 s.
2. YU. M. Lotman. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta / Lotman YU.M. Izbrannye stat'i. T. 1. - Tallinn, 1992. с. 129-132
3. L.S. Vygot'skij. Myshlenie i rech'. Psihologicheskie issledovaniya. Pod redakciej i so vstupitel'noj stat'ej V.Kolbanovskogo. M-L. 1934. 326 s. S. 260 – 318
4. Filosofiya yazyka / Red.-sost. Dzh. R. Syorl. M: Editorial URSS. 2010. 208 s.
5. Fuko Mishel'. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let. Per. s franc.— M., Kastal', 1996.- 448 s.
6. Sociologiya veshchej. Sbornik statej / Pod red. V. Vahshtajna. - M.: Izdatel'skij dom «Territoryabudushchego», 2006. 392 s
7. Jorgensen. M.V., Fillips L.D. Diskurs-analitis. Teoria I metod. H.: "Gumanitarnii Tsentr", 2008. 352 p.
8. Michael Billig. Freudian Repression. Conversation Creating the Unconscious. Cambridge University Press. 2004. 300 p.. Foreign literature. Ref. journal. 1997. №3. Pp. 125-143.